

Հարգելի՛ ընթերցող,

Արցախի Երիտասարդ Գիտնականների և Մասնագետների Միավորման (ԱԵԳՄՄ) նախագիծ հանդիսացող **Արցախի Էլեկտրոնային Գրադարանի** կայքում տեղադրվում են Արցախի վերաբերյալ գիտավերլուծական, ճանաչողական և գեղարվեստական նյութեր՝ հայերեն, ռուսերեն և անգլերեն լեզուներով: Նյութերը կարող եք ներբեռնել ԱՆՎՃԱՐ:

Էլեկտրոնային գրադարանի նյութերն այլ կայքերում տեղադրելու համար պետք է ստանալ ԱԵԳՄՄ-ի թույլտվությունը և նշել անհրաժեշտ տվյալները:

Շնորհակալություն ենք հայտնում բոլոր հեղինակներին և հրատարակիչներին՝ աշխատանքների էլեկտրոնային տարբերակները կայքում տեղադրելու թույլտվության համար:

Уважаемый читатель!

На сайте **Электронной библиотеки Арцаха**, являющейся проектом **Объединения Молодых Учёных и Специалистов Арцаха (ОМУСА)**, размещаются научно-аналитические, познавательные и художественные материалы об Арцахе на армянском, русском и английском языках. Материалы можете скачать БЕСПЛАТНО.

Для того, чтобы размещать любой материал Электронной библиотеки на другом сайте, вы должны сначала получить разрешение ОМУСА и указать необходимые данные.

Мы благодарим всех авторов и издателей за разрешение размещать электронные версии своих работ на этом сайте.

Dear reader,

The Union of Young Scientists and Specialists of Artsakh (UYSSA) presents its project - **Artsakh E-Library** website, where you can find and download for FREE scientific and research, cognitive and literary materials on Artsakh in Armenian, Russian and English languages.

If re-using any material from our site you have first to get the UYSSA approval and specify the required data.

We thank all the authors and publishers for giving permission to place the electronic versions of their works on this website.

Մեր տվյալները – Наши контакты - Our contacts

Site: <http://artsakhib.am/>

E-mail: info@artsakhib.am

Facebook: <https://www.facebook.com/www.artsakhib.am/>

ВКонтакте: <https://vk.com/artsakhiblibrary>

Twitter: <https://twitter.com/ArtsakhELibrary>

ISSN 0132-0769

Советское Государство и право

10

1983

Право: многообразие определений и единство понятия

НЕРСЕСЯНЦ В. С. *

Наличие в юридической литературе различных подходов к праву, множества его характеристик и определений выдвигает на первый план ряд методологических проблем и прежде всего таких, как соотношение и связь этих различных определений права между собой, их значение для общего понятия права, пути их синтеза в рамках единого понятия права и т. д. Известно, что согласно диалектико-материалистической методологии воссоздание реального целого в виде теоретического, «духовно конкретного»¹ осуществляется посредством восхождения от абстрактного к конкретному, синтеза абстрактных определений исследуемого объекта (в том числе права как целостного и сложного, многогранного явления) в диалектически конкретное его понятие (в нашем случае — понятие права). «Конкретное, — подчеркивал Маркс, — потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного»². Поэтому «правильный в научном отношении» метод означает такое исследование, в котором «абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления»³.

Эти методологические положения являются основополагающими и в сфере теоретико-правовых исследований⁴. С позиций диалектико-материалистической методологии очевидна необходимость как множества различных абстрактных определений права, так и их синтеза в рамках общего понятия права, полное и систематическое раскрытие которого может быть дано лишь в общей теории права в целом⁵. Ясно также, что общее понятие права должно представлять собой не эклектическое и механическое соединение различных определений, а их диалектическую конкретизацию и теоретический синтез в рамках определенного концептуального единства, поскольку речь при этом идет о проявлениях и определениях одной и той же сущности и едином понятии права.

* Заведующий сектором Института государства и права АН СССР, доктор юридических наук.

¹ Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов). — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 727.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976, с. 44 и сл.; Керимова Д. А. Философские проблемы права. М., 1972, с. 40 и сл.; Спиридонов Л. И. Социальное развитие и право. Л., 1973, с. 40 и сл.

⁵ См.: О понимании советского права. — Сов. гос. и право, 1979, № 7, с. 60—61 (автор А. М. Васильев).

Различные трактовки роли определений права в их соотношении с понятием права в целом обусловлены имеющимися в нашей литературе различными подходами к праву, различными концепциями правопонимания. Литература и дискуссии последних десятилетий свидетельствуют о наличии трех таких основных подходов. Наиболее распространенным является сформировавшийся еще в 30-е годы первый подход, для сторонников которого характерно понимание права как совокупности (системы) государственно установленных или санкционированных норм. Здесь под правом имеется в виду объективное право (позитивное право или, как нередко его именуют, «право в юридическом смысле»). Представители второго подхода, критикуя такое понимание права, с середины 50-х годов выступили с предложением о включении в понятие права, кроме норм, также правоотношений (С. Ф. Кечекьян, А. А. Пионтковский, А. К. Стальгевич и др.), правоотношений и правосознания (Я. Ф. Миколенко), субъективного права (Л. С. Явич и др.). С известной долей условности второй подход к праву стали обозначать в литературе как «широкий», а первый — как «нормативный» (или «узконормативный») ⁶. В отличие от этих двух подходов, с 60-х годов в нашей литературе были предложены различные варианты третьего подхода к праву, представители которого обосновывают такое понимание (и понятие) права, которое исходит из концепции различения права и закона ⁷.

В целом уместно отметить, что появление теоретико-правовых положений второго и третьего подходов в заметной мере обогатило общую теорию права и повлияло также на позицию сторонников первого подхода. Так, именно представители второго подхода обратили внимание на то обстоятельство, что момент реальности и действительности позитивного, объективного права (реализации нормы права в правоотношениях, субъективных правах и т. д.) имеет существенное значение для характеристики права в целом и должен быть учтен в определении понятия права. Вместе с тем у представителей данного подхода, как и в соответствующих дефинициях первого подхода, под правом — с точки зрения концепции различения права и закона — по существу, имеется в виду закон (позитивное право).

Основные идеи третьего подхода, представляющие непосредственный интерес в плане рассматриваемой методологической проблематики, состоят, на наш взгляд, в следующем. Право в целом (как сложное, многогранное явление действительности и как единое, диалектически конкретное понятие) нельзя сводить только к одному из его проявлений или определений, в том числе к такой властно-официальной конкретизированной его форме, как закон; причем под законом в концепции различения права и закона имеется в виду право, наделенное законной силой (позитивное право, объективное право, право в форме закона). Именно в этом смысл многочисленных суждений о различении, соотношении и взаимосвязи права и закона в произведениях основоположников марксизма, которые, критикуя сторонников волюнтаристских и идеалистических воззрений, отмечали: «Точно так же и право в свою очередь сводят затем

⁶ Подробнее см.: Лукашева Е. А. Общая теория права и многоаспектный анализ правовых явлений. — Сов. гос. и право, 1975, № 4, с. 29—36.

⁷ См.: Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. М., 1974, с. 23 и сл. (автор Д. А. Керимов), с. 129 и сл. (автор Э. Л. Розин); Вопросы философии права. М., 1973, с. 39—43 (автор В. С. Нерсисян); Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978, с. 182 и сл.; Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право. М., 1977, с. 216 и сл.; Марксистско-ленинское учение о государстве и праве. История развития и современность. М., 1977, с. 28 и сл. (автор Л. С. Мамут), с. 163 и сл. (автор В. А. Туманов); О понимании советского права. — Сов. гос. и право, 1979, № 7, с. 58—59, 70—72; № 8, с. 53—56, 59—60, 62—63, 68—71; Советское государственное строительство и право. Курс лекций. М., 1982, с. 93 и сл. (автор Д. А. Керимов).

к закону»⁹. Разумеется, здесь имеется в виду несводимость права в целом к закону (позитивному праву, законодательству), а не соотношение позитивного права с одним из его формальных источников. Историко-материалистическое учение о праве (правовых формах, нормах, отношениях, принципах, идеях, воззрениях и т. д.) как о необходимой, порождаемой материальными условиями жизни общества надстроечной форме проявления базисных отношений как раз и представляет собой выявление и характеристику объективных свойств и определений права (в его различении с законом и до того, как праву будет придана законная сила). В числе таких объективных свойств и определений права вообще (правовой формы общественных отношений или — что то же самое — права как формы общественных отношений) Маркс выделяет, в частности, материальную обусловленность права, принадлежность права к явлениям надстройки, к формам идеологии и общественного сознания, волевой характер права, абстрактность и всеобщность правовой формы отношений, формальное равенство, независимость друг от друга и свободу субъектов права и правовой формы общения¹⁰. В правовом отношении, опосредующем экономическое отношение, его субъекты, по словам Маркса, «предположены как равные и выказывают себя в качестве равных...», поэтому здесь (в правовой форме общения вообще) «к определению равенства присоединяется еще и определение свободы»¹⁰. Правовое равенство и свобода носят формальный характер, что, конечно, имеется в виду при определении права как формы (и меры) свободы и равенства.

Волевой характер права имеет во всех своих проявлениях и определениях (как абстрактных, так и конкретных), причем речь идет как о воле (индивидуальной, коллективной, групповой и классовой) участников правового общения, так и применительно к закону (праву в форме закона) — о государственной воле господствующего класса. С точки зрения диалектико-материалистической методологии движения (восхождения) от абстрактного к конкретному закон (позитивное право) есть одна из форм проявлений и определений права, а именно — наиболее конкретная форма права, та стадия конкретизации понятия права, когда право, кроме всех своих присущих объективно обусловленных свойств и определений, приобретает новые характеристики: получает официальное признание, наделяется законной силой и предстает как общеобязательный закон, установленное законодательством право. Специфика логического процесса конкретизации понятия права (перехода от его абстрактных форм и определений к конкретным) обусловлена социально-классовым характером данного явления. Социально-классовым и политическим эквивалентом (и реальным содержанием) логической стадии конкретизации права здесь выступает государственное законодательство (и иные формы официально-властного нормотворчества). «Закон, — подчеркивал В. И. Ленин, — есть мера политическая, есть политика»¹¹.

В закон возводятся и, следовательно, в виде законного права конкретизируются лишь воля (т. е. право, правовые притязания, интересы, представления и т. д.) господствующего класса. Существенную роль в ходе такой официальной конкретизации права в виде всеобщего и общеобязательного закона играют соотношение классовых сил и борьба раз-

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков. — Соч. 2-е изд., т. 3, с. 83.

¹⁰ См.: Саломеико Н. С. Вопросы государства и права в первом томе «Капитала» К. Маркса. — Правоведение, 1968, № 2, с. 21—22; Мамут Л. С. Вопросы права в «Капитале» К. Маркса (К столетию со дня издания I тома). — Сов. гос. и право, 1967, № 12, с. 4; Далева В. В. Вопросы права в «Капитале» К. Маркса. М., 1982, с. 44—45.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 190.

¹² Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». — Полн. собр. соч., т. 30, с. 90.

личных классов и социальных слоев за законодательное признание их прав, притязаний и интересов. Различие между объективным процессом формирования права (форм, свойств, характеристик и проявлений права — до и независимо от их официального признания) и субъективным, сознательно-волевым процессом его официального признания и формулирования в виде общеобязательных норм позитивного права может привести к расхождению и противоречию между правом и законом. Отсюда — и характерное для антагонистических обществ, антинародных, антидемократических режимов антиправовое законодательство, принятие законов, представляющих собой, по оценке Маркса, «*позитивные санкции беззакония*»¹².

В теоретико-методологическом плане ясно, что благодаря официальному признанию право (и только право, т. е. то, что обладает всеми другими объективными чертами и определениями этого особого явления и понятия) становится законом (правом в форме закона), приобретает законную силу. Не сами по себе официальное признание или законная сила впервые создают право, превращая нечто неправовое в право (это невозможно), а лишь то, что по своим объективным свойствам является правом и требует общеобязательного признания и соблюдения, благодаря приобретению нового свойства (официальной, законной силы) предстает как законное право (право в форме закона).

Право как форма (и мера) свободы и равенства, объективно обусловленная данным способом производства и соответствующим ему уровнем социального, политического, духовного и культурного развития, в его соотношении с законом (т. е. официальной формой общеобязательно-нормативного признания или непризнания объективно сложившихся мер этой свободы и равенства) выступает как источник, олицетворение и критерий справедливости, которая, по словам Энгельса, есть «*абстрактнейшее выражение самого права...*»¹³. Представленная в праве справедливость носит формальный характер, поскольку «*всякое право*» по своему содержанию есть «*право неравенства*», «*неравное право для неравного труда*», «*применение одинакового масштаба к различным людям...*»¹⁴.

Памятуя о формальном характере справедливости, в ней применительно к соотношению права и закона можно выделить два взаимосвязанных и взаимодополняющих аспекта: справедливость требует (и состоит в том), чтобы право (и только право) стало законным, а закон был правовым. Отсюда ясно, что справедливость является одним из тех абстрактных определений права, которое, наряду с другими, отмеченными выше его объективными свойствами, проявлениями и определениями, должно быть учтено при характеристике права в целом и формулировании единого конкретного понятия права. Что касается необходимости учета в рамках этого конкретного понятия права такого важного его определения, как его реальность и действительность, то очевидно, что при соответствии закона праву (и, следовательно, при наличии в законе объективно обусловленных правовых характеристик и определений) положения правового закона обладают свойствами не только должного, но и сущего¹⁵. В юридической литературе при рассмотрении вопросов дей-

¹² Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 14.

¹³ Энгельс Ф. К жилищному вопросу.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 273.

¹⁴ Маркс К. Критика Готской программы.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 19; Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции.— Полн. собр. соч., т. 33, с. 93.

¹⁵ В иной плоскости ряд аспектов соотношения сущего и должного применительно к проблематике взаимосвязи юридических норм и фактического поведения обстоятельно освещен В. Н. Кудрявцевым (см.: Кудрявцев В. Н. Юридические нормы и фактическое поведение.— Сов. гос. и право, 1980, № 2, с. 13—14).

ствия права под «сущим» обычно понимаются следствие и результат осуществления «должного» (нормы права), поскольку под правом имеется в виду закон (позитивное право). Это, конечно, важный момент действия права (и его реальности, действительности), но лишь тот момент, который относится к действию закона, причем взятый в аспекте движения от должного (нормы) к сущему, осуществлению нормы в реальности. Тут, между прочим, «должное» наделяется магической силой творить «сущее». Не следует, правда, забывать, что для движения от должного к сущему необходимо предварительное движение от сущего к должному. Должное (норма закона) может быть справедливым мерилom сущего (реальных действий, отношений и т. д.) лишь постольку, поскольку оно включает в себя необходимые объективные свойства этого сущего, адекватно выражает действительность и наиболее существенные тенденции ее развития. Только тогда закон (и только правовой закон) может надлежащим образом выполнить свою высокую и активную роль.

Концепция общего понятия права, учитывающая различие и вместе с тем взаимосвязь права и закона, нацелена на постижение понятийного единства и общности различных проявлений и определений права (как абстрактных, так и конкретных). Сочетание различных определений права в одном понятии означает их объединение (совмещение, уплотнение, синтез, конкретизацию) по одному и тому же основанию, поскольку речь идет о различных проявлениях и определениях единой правовой сущности. Причем эти различные определения права (в силу их понятийного и сущностного единства) не только дополняют, но и подразумевают друг друга, что и дает логическое основание в дефиниции общего понятия права (по необходимости краткой) ограничиваться лишь некоторыми основными определениями (характеристиками), резюмирующими в себе и одновременно подразумевающим все остальные определения сущности права.

Так, даже самая краткая дефиниция общего понятия права, на наш взгляд, должна включать как минимум два определения, первое из которых содержало бы характеристику права (до и независимо от закона) как объективно обусловленного специфического социального явления, а второе — характеристику права в ее официальной признанности и общеобязательности (право в качестве официального установления, закона). Первая из характеристик наиболее адекватно выражена в определении права как объективно обусловленной, носящей социально-классовый характер и выражающей требование справедливости общей меры (формы, нормы) свободы и равенства, а вторая — в определении закона (права в форме закона) как официального (государственно-властного, выражающего государственную волю господствующего класса, формально-определенного и общеобязательно-нормативного) выражения и установления права, наделенного законной силой. Очевидно, что второе определение существенно дополняет, развивает и конкретизирует первое, а в своем единстве они выражают наиболее существенное в общем понятии права как исторически изменчивой, объективно обусловленной, определяемой социально-классовыми отношениями справедливой общей меры свободы и равенства, получающей посредством официального выражения общеобязательную силу. На наш взгляд, такое общее понятие права охватывает — при всех их особенностях — все право и всякое право (различные типы права прошлого и современности, право внутреннее и международное).

* * *

Ряд положений отмеченного третьего подхода (в частности, различие права и закона; наличие форм права и правовых явлений до и вне закона, законного права; определение права как меры свободы и т. д.)

с известными модификациями воспринят и используется также представителями других подходов к праву. Например, Л. С. Явич говорит о «складывающихся в отношениях распределения и обмена правах и обязанностях», о возникающих в области экономических отношений «социально-фактической модели права и правоотношений», «взаимных социальных правах (и обязанностях)», которые характеризуются им как «сущность права второго или следующих порядков»¹⁶. При этом он полагает, что «сущность права первого (и для специфики права самого важного) порядка»¹⁷ выражена в известной характеристике буржуазного права в «Манифесте Коммунистической партии»: «...Ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса»¹⁸.

При обосновании своей позиции Л. С. Явич приводит следующее высказывание В. И. Ленина: «Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. без конца»¹⁹. Однако в приведенном положении речь идет о бесконечном процессе углубления человеческого познания, а вовсе не о том, будто в каждое данное время и с точки зрения данной ступени развития познания у исследуемого объекта (в нашем случае — права) имеется несколько сущностей. Кроме того, ясно, что если на определенной ступени истории познания права уже уяснена сущность, скажем, «второго порядка», то результаты этого более глубокого познания уж во всяком случае должны быть отражены в понятии права. Само собой разумеется, что в понимании сущности второго порядка остается (путем диалектического «снятия» и вместе с тем сохранения) все познавательно ценное от предшествующего знания сущности первого порядка. Поэтому положение о том, что для специфики права самым важным является сущность права первого порядка, равносильно утверждению, что для познания права нужно поверхностное (исторически уже преодоленное) знание его сущности.

Неверным, на наш взгляд, является и положение о том, что в характеристике права в «Манифесте» речь идет о сущности права первого порядка, а в тех работах основоположников марксизма, где показано возникновение правовых форм и правовых отношений из движения экономических отношений (а не из закона), речь идет о сущности права второго или следующих порядков. Во всех этих случаях мы имеем дело с различными аспектами уже сформировавшегося историко-материалистического учения о праве и законе, с различными характеристиками права (в разных его проявлениях и определениях), исходящими из принципиально единого уровня познания его сущности. Ведь и в «Манифесте», как верно пишет и сам Л. С. Явич, прямо подчеркнута материальная обусловленность права, которое, кстати говоря, и здесь не сводится лишь к закону. Так что о сущностях права разных порядков говорить тут нет оснований.

Сравнивая характеристику права в «Манифесте» с приводимыми Л. С. Явичем характеристиками экономически обусловленных абстрактных форм права, следует в плоскости рассматриваемой нами методологической проблематики заметить, что обе характеристики представляют собой различные определения (в «Манифесте» — более конкретное; во втором случае — более абстрактное) одной и той же сущности, причем

¹⁶ Явич Л. С. Гносеологические вопросы общего учения о праве.— Правоведение, 1976, № 1, с. 18; Он же. Право развитого социалистического общества. Сущность и принципы. М., 1978, с. 17.

¹⁷ Явич Л. С. Указ. ст., с. 17.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.— Соч. 2-е изд., т. 4, с. 443.

¹⁹ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии».— Полн. собр. соч., т. 29, с. 227.

все эти определения права (наряду с другими, о которых говорилось выше) входят в общее понятие права и должны быть синтезированы в нем.

Трактовка Л. С. Явича положения о сущностях разных порядков непосредственным образом сказывается и на его подходе к проблеме синтеза определений права в общем понятии права. Правильно отмечая возможность разных дефиниций права (в силу его многосторонности), он далее пишет, что в понятии права «речь должна идти только о явлениях самой сущности права — о сущности права первого порядка и ее непосредственном проявлении в том, что есть собственно право как центральная часть юридической надстройки»²⁰. Мы уже отмечали принципиальную ошибочность игнорирования в понятии права всего того, что Л. С. Явич называет сущностью права второго порядка. Здесь же следует обратить внимание на то, что «собственно правом» он считает лишь позитивное право (т. е. закон: право, наделенное законной силой), а право в его различении с законом, т. е. те проявления и определения права, которые Л. С. Явич отнес к сущности права второго порядка, он и вообще правом не считает. Поэтому общее понятие права у него отсутствует, и под понятием права у него имеется в виду на самом деле понятие позитивного права, куда он как представитель «широкого» подхода включает не только нормы (объективное право), но и закрепленные в них субъективные права. К взаимосвязи и единству этих двух элементов позитивного права, по существу, и сводится в его позиции весь синтез определений права. Причем связь этих элементов он характеризует как соотношение абстрактного (нормы) и конкретного (субъективного права), что, конечно, неверно, так как субъективное право в его трактовке есть, по существу, тоже норма (закрепленный в норме закона масштаб поведения), и, следовательно, оба эти элемента позитивного права находятся в принципе на одной и той же логической ступени восхождения от абстрактного к конкретному. Так что никакого движения от абстрактного к конкретному предлагаемое Л. С. Явичем понятие права не содержит.

Положение Л. С. Явича о сущностях права разных порядков разделяет и С. С. Алексеев²¹. Отличие его позиции состоит, в частности, в следующем: различные проявления и определения права (до и вне закона: права, не наделенного законной силой), которые Л. С. Явич, не считая «собственно правом», относит к сущности права второго порядка, С. С. Алексеев считает сущностью именно *объективного права* второго порядка, называет «неюридическим правом» (непосредственно-социальным правом, социально опосредованным неюридическим правом и т. д.) и относит к области общей социологии, а в понятие «юридического права» (объективного права) он как представитель так называемого «узкого» подхода включает только нормы позитивного права²². Собственно правом здесь оказывается лишь позитивное право («юридическое право»), поскольку то, что именуется «правом в юридическом смысле» — это с позиций различения права и закона как раз представляет собой право в законном, легистском (lex — закон), а не в юридическом (jus — право) смысле.

Отрицание правового смысла проявлений и определений так называемой сущности права второго порядка (т. е. объективных свойств и характеристик права в его различении с законом) приводит к игнорированию роли этих определений права при конструировании его понятия,

²⁰ Явич Л. С. Указ. ст., с. 19.

²¹ См.: Алексеев С. С. Общая теория права, т. I. М., 1981, с. 68, 75.

²² См.: Алексеев С. С. Указ. соч., с. 66—72; Он же. Право: методологические подходы к исследованию. — Вопросы философии, 1983, № 3, с. 116—119. По существу все эти положения имеются и в работе П. М. Рабиновича «Проблемы теории законности развитого социализма» (Львов, 1979, с. 14 и сл.).

в результате чего общее понятие права сводится к понятию лишь позитивного права. Концентируясь говоря, это и есть сведение права к закону (законному праву). Такой упрек, разумеется, не означает, что представители первого и второго подходов не отличают в рамках своего правопонимания объективное право от закона в смысле одного из формальных источников позитивного права. Но это, конечно, другая проблема и другая тема.

* * *

Позиция С. С. Алексеева прямо направлена против синтеза различных проявлений, характеристик и определений сущности права в рамках общего понятия права. Он отрицает единство права и как единого реального явления, и как единого понятия. Различные проявления, значения и определения характеризуются им как «качественно разнородные», «разноплоскостные социальные явления». Право (как явление и понятие) делится им на два качественно разных явления (юридические и неюридические) и два разных понятия — «юридическое право» и «неюридическое право». «Вряд ли поэтому, — пишет С. С. Алексеев, — оправданы предпринимаемые в юридической науке попытки сконструировать единое многоаспектное понятие, охватывающее все описанные ранее значения права. Напротив, здесь нужен дифференцированный подход, при котором в каждом случае употребления термина «право» следует предельно четко видеть науковедческий статус проблемы и соответственно этому корректно, научно строго использовать соответствующий понятийный аппарат и частнонаучную методологию»²³. То, что здесь названо «дифференцированным подходом» к праву, на самом деле означает отказ от научного синтеза его различных характеристик и определений, расщепление и плюрализацию права (как единого социального явления) на множество качественно различных явлений («прав»), со множеством понятий этих «прав».

Научный, теоретический подход, вопреки мнению С. С. Алексеева, как раз отвергает предлагаемую им механическую изоляцию друг от друга различных проявлений и определений сущности права как единого объекта исследования и, напротив, требует сочетания анализа с синтезом, дополнения дифференциации интеграцией, перехода от словесно-терминологической стадии трактовки к понятийному уровню, от характеристики внешних проявлений права к многообразию определений его сущности и на этой основе — восхождения от различных абстрактных определений права (путем их синтеза) к конкретному его понятию.

Отрицание реального и понятийного единства права является ярким выражением теоретической слабости соответствующей концепции правопонимания. Между «юридическим правом» и «неюридическим правом» в позиции С. С. Алексеева и других приверженцев этого подхода нет, по существу, никакого общеправового (качественно однородного для права в целом) момента единства. Все, что их объединяет, объявляется лишь мнимым, кажущимся общим. «Все то, что, казалось бы, так основательно их объединяет, — пишет С. С. Алексеев, — и наличие в том и другом случаях известного состояния социальной свободы, и использование там и здесь термина «право», и тесная связь между ними в реальных, жизненных процессах, и даже свойственная им обоим нормативность, — не устраняет того решающего обстоятельства, что перед нами разноплоскостные социальные явления»²⁴. Если серьезно (не на словах, а понятийно) относиться к этим в принципе верно (хотя, разумеется, и не исчерпывающе) упоминаемым С. С. Алексеевым общим чертам и характеристикам, «основательно объединяющим» «юридическое право» и

²³ Алексеев С. С. Указ. ст., с. 119.

²⁴ Алексеев С. С. Общая теория права, т. 1, с. 69—70.

«неюридическое право», а не объявлять их «кажущимися», да к тому же вспомнить, что «неюридическое право» расценивается им как сущность «юридического права» второго порядка, то невозможно иначе, как его явной непоследовательностью, объяснить отрицание реального и понятийного единства этих двух «прав».

Отрицание правового смысла «неюридического права» («непосредственно-социальных прав» и т. д.) доходит до того, что С. С. Алексеев предлагает именовать его не «правом», а лишь социальным «притязанием», «требованием»²⁵. Он полагает, что это позволит «предельно четко отделить данное явление от других, также обозначаемых тем же термином «право», но тут же говорит прямо противоположное и признает неизбежность «использования термина «право» (который все же является со строго научных позиций более предпочтительным, чем термин «притязание»)». Пытаясь объяснить эту «неизбежность», С. С. Алексеев говорит о «соприкосновении (?) действия социальных закономерностей с институтами социальной свободы и ответственности» и называет непосредственно-социальные права «ближайшей (?) предпосылкой и ближайшим подступом к праву во всех иных (в том числе и юридическом) значениях»²⁶.

Туманность этого объяснения соответствует внутренней противоречивости преследуемой цели: доказать, что «неюридическое право», в одно и то же время является и не является правом. В конце концов согласно позиции С. С. Алексеева получается, что «неюридическое право» словесно и терминологически — это неизбежно «право», а понятийно — не «право», поскольку нет общего понятия «права». Здесь у нас есть все научно-теоретические основания констатировать, что данная концепция правопонимания завела себя в терминологический и понятийный тупик. С. С. Алексеев предлагает лишь словесный выход из него, а именно: в зависимости от контекста добавлять к единому слову «право» (ведь права как единого реального явления или понятия для него не существует) слова (прилагательные): «непосредственно-социальное», «юридическое», «моральное» и т. п.²⁷. Но очевидно, что это в научном плане ничего не решает и не проясняет, поскольку здесь имеет место лишь грамматическое перемещение всех прежних проблем с существительного «право» (существование которого как раз и отрицается в реальном и логическом смысле) на ряд прилагательных, которые тем самым оказываются носителями и индикаторами различных проявлений и определений несуществующего существительного — отрицаемого единого права.

²⁵ См.: Алексеев С. С. Указ. ст., с. 117, 119; см. также: Рабинович П. М. Указ. соч., с. 15. В нашей литературе внимание на правовой смысл объективно обусловленных социальных притязаний участников экономических отношений (и характеристику социальных притязаний как одной из абстрактных форм проявлений и определений права) — на основе и с учетом соответствующих положений основоположников марксизма — впервые обратили именно сторонники различения права и закона (см.: Ф. Энгельс о государстве и праве. М., 1970, с. 26; авторы В. М. Чхиквадзе и Л. С. Мамут). И весьма примечательно, что С. С. Алексеев, П. М. Рабинович и др., используя эти (как и другие, скажем, характеристику права в качестве меры свободы) определения права в духе своего подхода, стремятся к прямо противоположным целям — к отрицанию правового смысла свободы, социальных притязаний и иных объективно обусловленных форм проявлений и определений сущности права.

²⁶ Алексеев С. С. Указ. ст., с. 117.

²⁷ Обособление таким образом «морального права» от «юридического права» (т. е. закона) означает лишь отделение закона от морали. При этом остаются в тени основные проблемы соотношения права и морали — вопросы соответствия права (и закона) социально-исторически достигнутому уровню моральных и нравственных требований и ценностей, с одной стороны, и правового (в том числе в форме закона) признания и защиты (во всяком случае не игнорирования) объективно обусловленных социально-классовыми отношениями моральных прав, притязаний и интересов, с другой. «Моральное право» — это, конечно, еще не законное право, но оно представляет собой одно из абстрактных проявлений и определений права, подлежащее учету в общем понятии права, а следовательно, и при характеристике закона.

«Коренную ошибку» сторонников концепции различения права и закона С. С. Алексеев видит в том, что «они не приписывают в расчет тот неюридический смысл, который придавали основоположники научного коммунизма термину «право» при рассмотрении ряда «до» или «вне» юридических социальных явлений»²⁸. Это довольно странное утверждение, поскольку именно сторонники рассматриваемой концепции постоянно подчеркивают, что в трудах основоположников научного коммунизма право не сводится к закону, законному, позитивному праву (т. е. к «юридическим явлениям» — по терминологии С. С. Алексеева), что в общем понятии права должны быть учтены все определения сущности права (как объективно обусловленные общественными отношениями определения права «до» и «вне» закона, так и определения закона как официально установленного права).

Различий таких проявлений и определений права никто никогда не отрицал, да это и невозможно. Другое дело, что эти различия не таковы, чтобы относить их к принципиально различным реальным феноменам, сущностям и понятиям и отрицать на данной основе возможность их синтеза в рамках общего понятия права.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что, поскольку «неюридическое право» как «общесоциальная категория» относится С. С. Алексеевым к области общей социологии, предмет юридической науки ограничивается им лишь «юридическим правом» (т. е. законом, позитивным правом). Трудно согласиться с тем, что такой подход действительно обогащает, как полагает С. С. Алексеев, «понятийный аппарат общей социологии», но что он существенно обедняет юридическую науку — это очевидно. По этой конструкции юридическая наука должна заниматься только позитивным (объективным) правом, да к тому же с «теоретико-прикладной направленностью»²⁹, так что за ее границами остаются вся собственно теоретико-правовая тематика, проблемы философии и логики права, социологии права и даже общей теории права. Ведь с тех позиций, которые отстаивает С. С. Алексеев, общая теория права невозможна, а возможна лишь общая теория объективного права, так что название его интересного и содержательного двухтомного труда, несомненные достоинства которого остались вне нашего рассмотрения, явно противоречит его же подходу к праву и юридической науке.

Ясно, что подобное ограничение предмета юридической науки и занижение ее теоретического статуса являются прямым и неизбежным следствием соответствующей концепции правопонимания. Это, впрочем, старая истина, хорошо известная из многовековой истории правовой мысли: там, где право сводится к закону, там юридическая наука оказывается законоведением.

²⁸ Алексеев С. С. Общая теория права, т. I, с. 71.

²⁹ См.: Алексеев С. С. Указ. ст., с. 117, 119.